
Нравственные силы русского воина.

Поразительные и трогательные случаи, свидѣтельствующіе о доблестномъ, геройскомъ поведеніи нашихъ моряковъ при взятіи фортовъ Таку, рассказываетъ «Новый Край».

На «Гилякѣ», когда перевязывали раненаго въ ротъ и щеку лейтенанта Богданова, принесли для перевязки матроса, страшно обожженнаго взрывомъ снаряднаго погреба. Лейтенантъ просилъ приостановить его перевязку, указавъ, что есть болѣе тяжело раненый. Этотъ же офицеръ, услышавъ, что на палубѣ кричатъ «пожаръ», несмотря на страшную боль отъ раны и выбитые зубы, бросился наверхъ, но, выходя, попалъ подъ выстрѣлъ большой кормовой пушки, и ему сорвало съ лица всю повязку, что только и заставило его вернуться внизъ. Обожженный при взрывѣ погреба матросъ Викулинъ схватилъ кишку и сталъ поливать выскакивавшихъ изъ погреба, обратившихся въ пламенные столбы товарищей. Мичманъ Фуксъ, также поливавшій горѣвшихъ, неоднократно посылалъ Викулина на перевязку, но тотъ все отговаривался тѣмъ, что есть болѣе тяжело раненые, чѣмъ онъ; а между тѣмъ у него оказались такіе ожоги, что черезъ три дня онъ отъ нихъ скончался.

Тяжело раненый лейтенантъ Титовъ, положенный въ своей каютѣ, собралъ всѣ силы и, вставъ съ койки, уступилъ ее обожженному матросу, самъ же сѣлъ на стулъ въ каютѣ-компаніи и упалъ въ обморокъ.

Матросъ Назаровъ былъ тяжело раненъ при взрывѣ погреба; рядомъ съ нимъ матросъ Гилинъ представлялъ собою столбъ пламени. Когда на немъ потушили одежду, онъ, весь обгорѣлый, самъ притащилъ на спинѣ Назарова на перевязочный пунктъ.

На «Корейцѣ», хотя во время боя лодка и не двигалась съ мѣста, рулевой старшина Малихъ все-таки счелъ долгомъ стоять у руля и только,

когда у него сильно пересохло въ горлѣ, рѣшился оставить свой, въ сущности добровольный въ данной обстановкѣ, постъ и сошелъ внизъ напиться воды. Когда онъ возвращался, его ранило въ обѣ ноги; тѣмъ не менѣе онъ, едва добрался до руля, сталъ у него. Тогда уже въ дѣло вмѣшался командиръ лодки и приказалъ Малиху уйти и лечь, чему онъ повинился, но съ видимой неохотой.

Поваръ на канонеркѣ «Кореецъ», въ то время когда бой былъ въ самомъ разгарѣ, рѣшилъ, что надо готовить обѣдъ, «а то неравно запоздаетъ, и командиръ заругается». Три помощника Демина, китайцы, лежали на полу и тряслись отъ страха. Демина заперъ ихъ въ ванную комнату и принялся стирать, но пушечные выстрѣлы производили сотрясеніе, выбрасывая жаръ изъ печки. Демина терпѣливо подгрѣбалъ жаръ и закладывалъ его опять въ печь. Нѣсколько разъ ему опалило жаромъ лицо. Несмотря, однако, на всѣ препятствія, отлично сваренный обѣдъ былъ готовъ въ назначенный часъ.

Интересенъ рассказъ комендора Вавилова. Начался бой, Вавиловъ замѣтилъ, что его «ребята какъ будто оторопѣли» и говорить имъ: «вы у меня, братцы, пожалуйста, зря не беспокойтесь!» Ребята приободрились. Сперва Вавиловъ не стрѣлялъ, потомъ «принаровился», «а когда убили у насъ лейтенанта Деденева, то остался я очень огорчительный на счетъ непріятеля и поставилъ орудія до нельзя на корму и на форты, а чтобы удобнѣе было стрѣлять, убралъ прислугу съ лѣвой стороны. И только это далъ я первый выстрѣлъ, у китайцевъ взорвало пороховой погребъ».

Когда затопило погребъ отъ пробойны, сдѣланной китайскимъ снарядомъ въ корпусѣ «Гиляка», матросамъ, приставленнымъ для доставленія изъ погреба снарядовъ, приходилось лѣзть за ними въ воду, и нѣкоторые въ первую минуту замялись.

Унтеръ-офицеръ Веревитинъ объяснилъ себѣ это такъ: «Одежду казенную испортить боятся... и тотчасъ-же прикрикнулъ:—лезьте, братцы, одежду не жалѣйте: живы останемся—все будетъ».

Когда въ первый моментъ пожара не было людей около брандспойта, первыми стали качать воду командиръ лодки лейтенантъ Сырычевъ, инженеръ-механикъ Лавровъ и мичманъ Фуксъ.

Комендоръ Минеевъ на «Корейцѣ» замѣтилъ, что въ самомъ разгарѣ боя третье орудіе съ праваго борта перестало стрѣлять и, будучи въ данный моментъ свободнымъ, бросился къ нему узнать причину. Ему отвѣтили, что замокъ не открывается. Минеевъ схватилъ крестовину, отшибъ ею

ручку замка, вынулъ плитку, предохраняющую отъ прорыва паровыхъ газовъ, и, смазавъ ее саломъ, вставилъ на мѣсто. Сдѣлавъ изъ этого орудія 15 выстрѣловъ, онъ уступилъ мѣсто товарищу Гозенко, такъ какъ тотъ его долго умолялъ «дать пострѣлять».

Было бы очень ошибочно предполагать, какъ нѣкоторые это дѣлаютъ, что нашъ народъ смутно представляетъ себѣ идею патриотизма. Вотъ какіе опровергающіе факты удалось подмѣтить въ бою подъ Таку.

На «Корейцѣ», когда послѣднее орудіе перестало стрѣлять, и бой окончился, комендоры отъ всѣхъ орудій подошли къ одному изъ офицеровъ и съ обидой въ голосъ спросили его: «почему это, Ваше В-діе, мы форты брали, а нашего флага нѣтъ, все иностранные?!» Офицеръ поспѣшилъ ихъ успокоить, сказавъ, что, навѣрно, и русскій поставленъ,—только его не видно. Но тѣ долго еще не могли примириться съ такой обидой (флагъ дѣйствительно былъ со стороны «Корейца» закрытъ укрѣпленіемъ).

Когда стало извѣстно, что форты взяты, на «Гилякѣ» всѣ раненые, изъ которыхъ много было и смертельно раненыхъ—разразились такимъ «ура», что ихъ ничѣмъ не могли остановить; кочегаръ же Муровенко, сильно обожженный, не утерпѣлъ и спустился въ машину къ товарищамъ—сообщить имъ, что на фортахъ поднять русскій флагъ; обожженный матросъ Михайленко, услышавъ первое «ура» команды «Гиляка» по случаю взрыва погреба у китайцевъ выстрѣломъ съ «Корейца», не утерпѣлъ и выскочилъ къ трапу, самъ наступая на слѣзшую съ ногъ кожу. Когда его вернули назадъ, онъ оправдывался передъ докторомъ: «Такъ что не стерпѣлъ, Ваше В-діе, хотѣлъ еще хоть разокъ взглянуть, какъ наши за мать Рассею стражаются».

А вотъ примѣръ лихости и находчивости моряка.

По полученіи донесенія о послѣднемъ нападеніи боксеровъ на Шанхай-Гуань, вице-адмиралъ Скрыдловъ отправилъ къ начальнику Лутанскаго отряда въ Шанхай-Гуань письмо. Письмо это повезъ квартирмейстеръ крейсера «Россія» Зязинъ, который отправился къ берегу на шлюпкѣ. Вслѣдствіе сильнаго вѣтра, разбившаго волну, шлюпка совсѣмъ не могла пристать и, боясь наскочить на камни, стала въ саженьяхъ ста отъ пристани. Тогда, спрятавъ письмо въ шапку, Зязинъ, не долго думая, бросился въ волны и доставилъ письмо для отправки по назначенію, въ кумирню, занятую русскимъ карауломъ, а самъ въ теченіе двухъ часовъ весь мокрый ожидалъ отвѣта изъ Шанхай Гуаня. Когда отвѣтъ пришелъ, Зязинъ тѣмъ же порядкомъ вплавъ добрался до шлюпки и доставилъ письмо начальнику эскадры. Вице-адмиралъ

Скрыдловъ за проявленную квартирмейстеромъ Зязинымъ лихость и находчивость произвелъ его въ боцманы. (Воскресеніе 1901 г. № 2 и 9-й).

Эти правдивые рассказы убѣждаютъ — какъ достигался успѣхъ поразившій весь міръ, въ чемъ именно проявлялся духъ войска, и какая нравственная связь была между начальниками и подчиненными во время боя. Нашъ морякъ всегда отличался мужествомъ и неустранимостью; онъ смѣло смотритъ смерти въ глаза и не понимаетъ никакихъ невозможностей. Не даромъ славный адмиралъ Нахимовъ называлъ матроса главнымъ двигателемъ на военномъ кораблѣ и смотрѣлъ на него, какъ на силу, могущую при возбужденномъ въ немъ энтузіазмѣ, призрающемъ собственныя выгоды, все преоблѣдить. Своимъ геройскимъ поведеніемъ при взятіи фортовъ Таку, наши моряки явили міру новое доказательство, что «они не забыли морского дѣла, а только укрѣпили одушевленіе и дисциплину, всегда украшавшія ихъ»¹⁾, чѣмъ и засвидѣтельствовали, что они достойные потомки своихъ предковъ моряковъ, славныхъ участниковъ 349 дневной Севастопольской обороны.

Воины православные, Царя вѣрные слуги! Воздадимъ должную дань уваженія геройскимъ подвигамъ нашихъ моряковъ при взятіи фортовъ Таку и скажемъ: усопшимъ царство небесное, а живымъ слава! слава! слава!

Военный священникъ Василій Ягодинъ.